

ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 27 СОДЕРЖАНИЕ:

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ Н. ШЕБУЕВА.— СКАЗОЧКА О ПАРЛАМЕНТѢ. Н. ШЕБУЕВА.— О СИЛЬНЫХЪ МІРА СЕГО. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Г. УРСАТИ.— ПИСЬМО ЕМУ ЖЕ.— ИНТЕНДАНТСКІЯ МЕЛОДИИ. СОЮЗЪ ИСТИННО РУССКИХЪ ПОДРЯДЧИКОВЪ.— ВЪ ПОѢЗДѢ. ЕВГЕНІЯ ТУДЕРА.— КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Н. ШЕБУЕВА.— УПАДОКЪ ОПЕРЫ. В. СЕНИЛОВА.— ВЕЧЕРЬ ИСПОРЧЕННЫХЪ ВЕЩЕЙ. Н. ШЕБУЕВА.— ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМО М. А. ЛЮБАРСКОЙ-ПИСЬМЕННОЙ В. Д. БЪЛОВУ.— АСОЦИОЛОГІЯ. ОСКАРА НОРВЕЖСКАГО.— КВАРТИРОЛОГІЯ. УКЛАДКА ФЛЕГМАТИЧЕСКАЯ. Н. ШЕБУЕВА.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ.

Потолокъ Государственной Думы не выдержалъ. Слишкомъ нервно Дума ждала декларации правительства. Гадала: — Чего можно ждать сверху! И вотъ... Мусоръ, балки, обшивки, штукатурка, щепки... — Вотъ все, чего можно было ждать сверху!... Декларация правительства... Русское общество теперь знаетъ уже три такихъ декларации; 1) Ходынка. 2) Цусима. 3) 2 марта 1907 г. Н. ШЕБУЕВЪ.

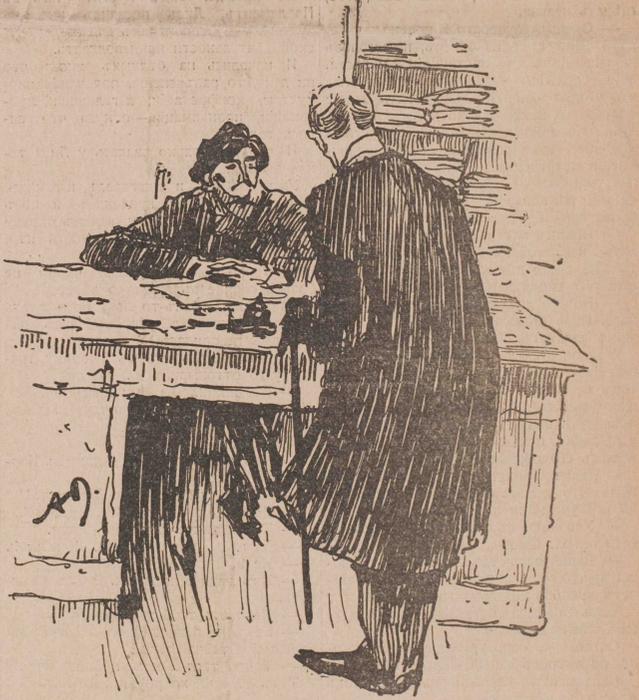
СКАЗОЧКА О ПАРЛАМЕНТѢ И РАЧЕМЪ ТЕМПЕРАМЕНТѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ, задумалъ Левъ созвать Парламентъ. И запало ему въ голову такимъ образомъ самый парламентъ сварганить, чтобы въ немъ всѣ звѣриныя сословія на скамеечкахъ засѣдали и въ кулуарахъ кулуарили. Назначилъ Левъ выборы. — Чтобы выборы были первостепенные, не какіе нибудь кривые, или немѣющіе чина, а прямые, дѣйствительные тайные, — словомъ, какъ въ первыхъ домахъ. Начались выборы. Глядитъ Левъ: — Что за чортъ, кромѣ лебедей, шуковъ, да раковъ, никакого звѣрья въ парламентѣ не набирается. Бойкотируютъ, видятъ-ли выборы. Осель говоритъ: — Певать мнѣ на вашъ парламентъ. У меня и безъ того уши длинные. Корова говоритъ: — Ну васъ... Свяжешься съ парламентомъ, чего добраго молоко потеряешь. Карась говоритъ: — Люблю я, чтобы меня ѣли въ сметанѣ, а до всего прочаго мнѣ дѣла нѣтъ. Быкъ говоритъ: — Не пойду. Страсть не люблю краснаго! Кукушка говоритъ: — Ку-ку... Не долго проживетъ вашъ парламентъ! Ку-ку!.. И слава Богу... А не то онъ, пожалуй, запретилъ-бы мнѣ нести яйца въ чужія пѣзда... Слонъ говоритъ: — У меня и безъ парламента толстая кожа! На кой чортъ мнѣ парламентъ. Даже лягушки, и тѣ парламентъ бойкотировали! — Ква! Ква! Ква!.. Все равно погода въ нашихъ рукахъ!.. Что мы на митингѣ

порѣшимъ, то и сбудется! Ква! Ква! Ква!.. Быть грозѣ! Быть грозѣ! У крота собственная аграрная программа оказалась: — Для того, чтобы рѣшить аграрный вопросъ, надо такъ сродниться съ землею, какъ мы!.. И необходимо быть такими же слѣпыми, какъ мы!.. А вашъ зрячий парламентъ... тьфу!.. Земля должна принадлежать слѣпымъ!.. Не бойкотировали парламентъ только лебеди, шуки и раки. Лебеди, — потому что они рвутся въ облака и всегда летятъ на встрѣчу всему новому. Шуки, — потому что онѣ при всякомъ режимѣ чувствуютъ себя одинаково хорошо. Особенно лакомымъ явленіемъ казались имъ митинги карасей-конституционалистовъ. Но особенно охотно шли раки. Всякое дѣйствіе рождаетъ противодѣйствіе. И вотъ раки сплотились, чтобы противодѣйствовать лебедемъ. Поглядѣлъ Левъ на свой парламентъ и рѣшилъ: — А вѣдь у насъ что-то вполнѣ чешское получились: шуки — центръ, лебеди — напредники, а раки — назадники. Словомъ, всѣ партіи, какъ въ первыхъ домахъ... Парламентъ хоть куда!.. И началъ парламентъ функционировать. Функционировать, функционировать, такъ ничего и не выфункционировало. Лебедь рвется въ облака, да такъ основательно, что чуть было за собой въ облака околоточнаго не уволокъ. Ракъ пятится назадъ, на мель. А шука тянетъ глубже въ омутъ. А такъ какъ по природѣ своей и лебеди, и шуки, и раки больше любители воды, то такую они сырость отъ своихъ рѣчей въ странѣ поразвели, что житья не стало. У того — флюсь справа, у другого — слѣва, того треплетъ инфлуэнца, четвертаго — зубы одолѣли. Всѣ музыкальные инструменты отъ сырости разбухли и попортились, такъ что въ трактирахъ музыкантамъ расчѣтъ дали. Граммофоны и тѣ вмѣсто пѣсень кашляютъ. Но въ особенности на населеніе флюсь напалъ. И такой флюсь, что не было отъ него спасенія. У всѣхъ перебивалъ. Разница только справа или слѣва. И вотъ по этому поводу между населеніемъ страшный разладъ пошелъ: — У него, говоритъ, флюсь на правой щекѣ и я съ такимъ субъектомъ ничего общаго имѣть не желаю. — А у него флюсь на лѣвой щекѣ!.. Певать я на такихъ хочу!.. — Тьфу! Лѣвша! — Тьфу! Правша! — А ты, милъ человекъ, не больно забывайся... Не ровенъ часъ въ участкѣ очутишься... Тамъ тебѣ такую правшу покажутъ, что...

И чѣмъ бы, казалось, виновать обыватель, что ему флюсь надуло справа, а не слѣва, или слѣва, а не справа! А то есть и такіе, которымъ флюсь и справа и слѣва надуло, — такъ тѣхъ ругаютъ и справа и слѣва!.. Житія никому ни отъ кого нѣтъ. И сильно вздорожали веревки. Пробоваль было Левъ циркулярами вслѣе флюсь воспрещать, — ничего не помогать. Пробоваль давать разрѣшенія только на правые флюсы. Отъ этого расплодилось въ странѣ конспиративныхъ флюсовъ видимо невидимо, — и большевики, и меньшевики, и достиженцы и постиженцы, и нутряки, и чортъ его знаетъ еще какіе флюсовики. Пробоваль судомъ — тюрьмой жигануть, — законы къ флюсамъ приспособилъ. Веревки наладилъ.

Мудрецовъ призывалъ: — Такъ и такъ, скажите, люди мудрые, какимъ путемъ-средствіемъ этого самого флюса извести. Думали мудрецы, думали: — Никакъ, говорятъ, этого не слѣдуетъ. Больно ужъ въ сторонѣ вѣтра сквознаго много развелось. — Съ чего-бы это вѣтру сквозному появиться. Жили-были мы всегда острожно. Окна — форточки на запорѣ. Дверей безъ нужды не расхлебывали. — А какъ въ странѣ сквозному вѣтру и не явиться, говорятъ мудрецы, — открыли сперва сѣверный полюсъ, потомъ южный!.. Вотъ и дуетъ. И задумался тутъ Левъ и говорить: — Такъ ежели полюсы уничтожить, и флюсь пропадетъ? — Какъ рукой сниметъ. Потому воз

— Какъ далеко отошелъ Леонидъ Андреевъ отъ русской жизни въ своей «Жизни Человѣка». А между тѣмъ какъ легко было бы придать русскія національныя черты этой пѣсѣ. У него и въ прологѣ и въ эпилогѣ, и во всѣхъ пяти дѣйствіяхъ Человѣка безотлучно сопутствуетъ Нѣкто въ сѣромъ... Если бы человѣкъ былъ русскимъ человѣкомъ, ему сопутствовалъ бы Нѣкто, но не въ сѣромъ, а... — Нѣкто въ синемъ!.. — Или даже Нѣкто въ гороховомъ!..

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ЦѢНА НОМЕРА 5 КОПѢЕКЪ.

СЛѢДУЮЩІЙ НОМЕРЪ ВЫЙДЕТЪ ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КИОСКЪ ПТАШНИКОВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ 1 РУБЛѢ.

Въ первыхъ 20 номерахъ были помѣщены между прочимъ слѣдующія произведенія:
 Н. Шебуева: ОХОТА ЗА ПОДРОСТКАМИ. — Оржестровые кресты. — О проворствѣ рукъ. — ТУРЬМОВЫЕ ДѢВКИ. — О мирномъ обновленіи. — Грязное бѣлье. — Юмористъ. — Уго намедни. — Проглула кадетъ. — Пари и парижъ воздуха. — Маскарадъ. — СВЯТАЯ ШАНСОНЕТКА. — Пожертвуйте, что вамъ не нужно. — Клодетманъ. — Юговосточные человѣки. — Мрачный гость. — О корсетахъ. — Рѣчь о рѣчи. — Танька Беканька. — Какъ мы съ барономъ интервьюировали Красова и Бравича. — Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ кожи. — ГРѢШНАЯ ГРѢШНЫХЪ. — Сестра Беатриса. — Торговля казенными лавками. — Сказочка объ мнѣ, о моемъ сынѣ Жоржикѣ и о моей женѣ. — Сказочка о фельетонистѣ газеты «Истинно русское слово». — Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ Мидол. — АНКЕТА ПО ПОЛОВОМУ ВОПРОСУ. — Лихтарическіе зтуды. — Другивенный. — Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ Музыкальный миръ. — ИСТИННО РУССКАЯ БОГОРОДИЦА. — Какъ хороши, какъ свѣжи были розы. — Вѣчная сказка. — Викторъ. — Сказочка о метранажѣ «Петербургской Газеты». — ИСТИННО РУССКІЕ АПОСТОЛЫ. — Сказочка о томъ, какъ я сблизился миллиардеромъ. — ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА. — СРЕДИ АНГЕЛОВЪ. — Балаганчикъ. — О пеликанѣ. — О Пирожковѣ. — Амфиатрионъ. — О красть. — О бидли. — ФАНТАСМАГОРИЯ. — ИРОДАДА. — ИДИОТЫ. — ПОЛИТИЧЕСКІЙ ФАРСЪ. — КВАРТИРОЛОГИЯ. — Объ ангелахъ. — Какъ я декантствовалъ. — Какъ мы съ барономъ были на юбилей Кугеля. — Безъ винъ виноватый. — ГИМНАЗИСТЪ. — Балаганчики. — СКАЗКА О МЕНЬШЕВИКѢ И БОЛЬШЕВИКѢ. — СЫЩИКОВЫ ИМЕНИНЫ. — Смерть пародіи. — Человѣкъ американской складки. — ВЫБОРНЫЯ КАРТИНКИ. — Алчущія и жаждущія. — Мелодекламация. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНКЕТА. — ПАУКИ И МУХИ.

Первые 20 номеровъ высылаются за 1 рубль только по присылкѣ денегъ (НЕ наложеннымъ платежемъ).

Заказы въ провинцію исполняетъ А. Деденевъ, Загородный 18 к. 29.

Адресъ конторы и редакціи: Ковенскій, 14. Телефонъ 41—43.

КНИГА: „КЛЕВЕТА. МОЙ ПРОЦЕССЪ СЪ БАРОНОМЪ Н. О. ТИЗЕНГАУЗЕНОМЪ“, ИЗДАННАЯ МАРИЕЙ ЛЮБАРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ, ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „ПРАВО“ И МАРТЫНОВА. ЦѢНА 70 коп.

никъ сквознякъ... А флюсъ это производная сквозняковъ.

— Такъ я прикажу полосу закрыть.

— Никакъ этого, ваше львинство, сбдѣлать нельзя.

— Очень даже просто. Я пошлю пять головъ сенаторовъ на сѣверъ, пять головъ на югъ. Дамъ имъ инструкціи, — и basta. Мои сенаторы, ежели имъ приказать, что угодно законотъ. Открываютъ они не мастера. А законотъ тоже Америку сбдѣлать... Конечно придется дать прогоны хорошіе, — зкпировочные, облундировочные, и квартирные, (— на полость чай, квартиры вотъ какъ кусаются), подѣмные, развѣдные, укладочные, закровательные, на леченіе.

— Никакъ этого, ваше львинство, сбдѣлать невозможно. Потому во всѣхъ плантъ эти самые полосы нанесены и прошла уже самая земская давность...

— Ничего для меня нѣтъ невозможно. Поди помошю какой-нибудь мужикъ владѣть. Онъ и не знаетъ, что у него на деснатинъ полость приходится, пахнетъ, бронуется... Да кабы зналъ, такъ не велика важность. Ну, куда мужику полость... Развѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ полость требуется... Поэтому я прикажу полость отписать въ казну. А тамъ его обрабатую.

— Ваше львинство... осмѣлось доложить, что учебные будешь въ претензіи... во всѣхъ учебники полость внесены...

— Учебники съ полосоми конфисковать велю... Сжечь.

— Ваше львинство... осмѣлось доложить, что упраздненіе полостей повлечетъ за собой международный конфликтъ.

Такъ и была оставлена мысль объ разясненіи полостей.

Осталось одно, упразднить для успокоенія вѣтровъ самый Парламентъ.

Парламентъ упразднили, а флюсовъ оттого не убавилось.

Долго-ли, коротко-ли жили безъ Парламента. Надоѣло.

Поручилъ Левъ второй парламентъ созвать Лису.

— Я, ваше львинство, такой Парламентъ, такой Парламентъ соберу, что пальчики обожьш... конфетка, а не Парламентъ...

И сталъ Лисъ собирать Парламентъ по своему вкусу.

У Лебедей крылья обрѣзалъ, да по курятникамъ ихъ расцалилъ.

Шукамъ зубастымъ — зубы повыдергалъ

и пригтовилъ ихъ по жидовски, т. е. съ погромомъ.

Остался одинъ раки.

— Но прежде, чѣмъ пустить ихъ въ лукошко, и началъ ихъ къ парламентской дѣятельности привелеивать.

И начался на бѣдныхъ раковъ, что ни день, то разясненія, положенія, циркуляры, конфискации, легализации, прокламации, прокламации, — откуда что везло только.

И откуда только ввязался у Лиса такая энергія.

Ужъ онъ ихъ и шпиговалъ, и томилъ, и поджаривалъ, и пропекалъ, а полъ лукошко изъ ершей колочихъ охрану поставилъ, — чтобы ни къ ракамъ кто, ни отъ раковъ кто.

И тряпочкой прикрывъ, чтобы не болно солнце въ лукошко лѣзло.

Захотѣлось какъ-то Леву посмотрѣть какикъ такимъ депутатовъ Лисъ для Парламента приласъ.

Вотъ пошелъ онъ къ лукошку, тряпочку-то оттопырилъ и... ахнулъ:

— Батюшки!.. Да они красней!.. Всѣ красней!.. Не зналъ видно глупый Лисъ, что горе рака красить!..

Призываетъ Лиса:

— Что мы съ твоими раками въ Парламентѣ будемъ дѣлать!..

— Что прикажете ваше Львинство!

— Да вѣдь они красней!.. Красней!..

— Точно такъ, ваше Львинство.

— Да вѣдь, они красней!.. Красней!..

— Не извольте беспокоиться!..

— Ихъ надо выкинуть!.. Всѣхъ выкинуть!..

— Не извольте беспокоиться!..

— Какъ не беспокоиться!.. Вѣдь они красней!.. Отвѣчай маѣ!..

— Точно такъ... красней... но они!..

Тутъ Лисъ хитро посмотрѣлъ на Лява!

— Но они... вареные!..

Потомъ запнулся и прибавилъ:

— Ихъ вѣять!..

Н. ШЕБУЕВЪ.

НИКОЛАЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 ЧАСОВЪ. КОВЕНСКІЙ, 14. ТЕЛЕФОНЪ 41—43.

О СИЛЬНЫХЪ МИРА СЕГО.

I.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГОСПОДИНЪ УРСАТИ.

(О томъ, какъ онъ строилъ желѣзную дорогу; о томъ, какъ сэконоилъ два милліона рубль; о томъ, какъ поддерживалъ престижъ власти, а главное, объ его благочестіи и блокахъ съ подрядчиками.)

IV.

Одинъ изъ такихъ посредниковъ-дипломатовъ г. Е. С. Хенкинъ, благодаря весьма странной близости къ г. Урсати, получилъ изъ него мѣсто завѣдующаго хозяйственными работами и озобочиваясь увеличеніемъ ихъ количества, помогалъ г. Урсати своими совѣтами и опытомъ изыскивать пути и средства для отстраненія подрядчиковъ отъ работъ и слалъ ихъ мелкимъ рядчикамъ, которые продолжали работы подъ его, Хенкина, финансовымъ руководствомъ для опеки яко-бы интересовъ казны за счетъ отстраненныхъ подрядчиковъ. Результатомъ такой опеки казны являются иски къ казнѣ какъ со стороны отстраненныхъ подрядчиковъ, такъ и оканчивающихся работами. Потеряли пока подрядчики, они теперь окончательно разорены. Потеряетъ казна, если предъявившіе иски подрядчики выиграютъ ихъ, т. к. казнѣ придется платить кромѣ коренной суммы иска еще и проценты и судебныя издержки. Интересно знать, кто же заработалъ на этихъ хитрыхъ махинаціяхъ съ казною? которой не было никакого основанія и выгоды, безпричинно отстраняя одного подрядчика и сдавая окончаніе работъ другому, получая въ наследствѣ колоссальныя по суммѣ иски. Основной принципъ гражданскихъ законовъ, гласящій, что: ни кто не можетъ обогащаться незаконнымъ путемъ за счетъ другого, совершенно игнорировался на постройкѣ Ор. Т. ж. д. Положеніе государственнаго контроля на постройкѣ С. Ч. Ор. Т. ж. д. было точно такое же, какъ бываетъ оно на всѣхъ другихъ казенныхъ постройкахъ. Чины контроля почему-то всегда бывають поставлены на постройкахъ казенныхъ ж. д. въ очень несоотвѣтствующее ихъ назначенію положеніе. Въ сущности фактическаго, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, контроля нѣтъ, да и не можетъ быть, пока г.г. начальники работъ поставлены на такую недостижимую высоту безкаказанности и той корпоративной солидарности, которыми такъ отличался М. П. С. Что стоить начальнику работъ добиться перевода на «полъза службы» на другое мѣсто какого-нибудь черезчуръ рьянаго участкового контролера, который детально и главное фактически хочетъ контролировать производящіяся работы, за которія будетъ платитъ казна. Его по обыкновенію впеиваютъ для занятій въ управленіе мѣстнаго контроля, а на мѣсто его командировать болѣе спокойнаго, который довольствуется только контролемъ счетовъ уже произведенныхъ расходовъ въ большинствѣ случаевъ подписывая ихъ безъ всякихъ оговорокъ. Въ случаѣ, если не удается начальнику работъ сразу избавиться отъ черезчуръ спокойнаго контролера, то на выручку ему есть двадцатый параграфъ правилъ для нач. работъ, на основаніи котораго онъ можетъ за своею отвѣтственностью производить уплаты денегъ и безъ согласія контроля, въ надеждѣ, что потомъ эти расходы будутъ утверждены, лишь бы они не выходили изъ рамокъ расцѣнной вѣдомости. Чины контроля не имѣютъ фактическаго права входить въ разсмотрѣніе степени годности матеріаловъ и работъ, а только количества послѣднихъ. Гдѣ же, при такихъ усло-

віяхъ, мѣсто для факческаго контроля? Если бы дѣйствительно фактически контроль существовалъ бы на Вост. С. Ч. Ор. Т. ж. д., то онъ какъ стражъ интересовъ казны помѣшалъ бы г. Урсати прекратить существовавшее движеніе поѣздовъ на ввѣренной ему дорогѣ и сохранилъ бы казнѣ многія сотни тысячъ рублей. Дѣло въ томъ, что строителю южной части Оренбургъ-Ташкентской ж. д. инженеру Вяземскому, къ слову сказать, лицу, которое заступило мѣсто г. Урсати на постройкѣ Уссурийской ж. д., откуда послѣдній былъ отозванъ въ Петербургъ изъ-за обостренныхъ отношеній съ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ, нужно было провести для надобностей постройки рельсы, шпалы и подвижной составъ. Г. Урсати, бывшій на ножкахъ съ г. Вяземскимъ изъ-за приведенной выше исторіи, обрадовался случаю свести съ нимъ личные счета и закрылъ движеніе поѣздовъ на своей линіи для того, чтобы г. Вяземскому пришлось бы перевозить укладочный матеріалъ и подвижной составъ кружнымъ путемъ черезъ Баку, Каспійское море и Закаспійскую область. Казна на этой прямо невѣроятной исторіи сведенія личныхъ счетовъ своимъ зазнавшимся агентомъ потеряла сотни тысячъ рублей и массу времени въ постройкѣ южной части. Помимо казны, отъ этой ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, жестоко потерпѣли также до 20 человѣкъ несчастныхъ служащихъ службъ движенія, телеграфа и тяги, которыхъ г. Урсати разогналъ осенью, чтобы основательно затормозить нежелательную перевозку. Съ формальной стороны г. Урсати удалось объяснить начальству отказъ отъ перевозки всякими существующими и не существующими трудностями, а также «жупеломъ» нашей бюрократіи это заявленіемъ, что будетъ переходъ въ кредитакъ, чего послѣднія болѣе всего боятся. Приведенныхъ иллюстрацій далеко не всѣхъ перипетій постройки, которая хорошо извѣстна какъ представителямъ государственнаго контроля сѣверной части Оренбургъ-Ташкентской ж. д., такъ равно почти всѣмъ служащимъ и подрядчикамъ ея вполне достаточно, чтобы вывести заключеніе, насколько выгодно для казны такимъ способомъ производить за ея счетъ постройки желѣзныхъ дорогъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Г. УРСАТИ.

Читая въ газетахъ разоблаченія «строительныхъ дѣяній» г. Урсати, я не могу удержаться отъ того, чтобы не внести въ нихъ еще одно маленькое дополненіе. Промотрѣвши колоссальныя суммы претензій разныхъ подрядчиковъ, какъ-то тушеются со своимъ небольшимъ искомъ къ Управленію Оренбургъ-Ташкентской линіи, царькомъ котораго состоятъ генералъ-строитель. Дѣло въ томъ, что въ самый разгаръ постройки Начальнику Работъ необходимо было укрѣпить переносные секы VI-го участка строящейся линіи. Начальникъ этого участка инженеръ Н. А. Федоровъ предложилъ мнѣ эти работы на слѣдующіихъ условіяхъ: я долженъ былъ готовую уже насыпь обсыпать сверху слоемъ глины, толщиной мѣже 0, 15, за что было предложено 150 коп. за каждую квадратную сажень. Сговорившись на такихъ условіяхъ, и сбдѣлавъ соответствующую подписку, я началъ работать. Все шло хорошо — люди работали, дѣло подвигалось, и я уже предвкушалъ сладость получения заработанныхъ денегъ. Состоялся обмѣръ, нашли, что слой всуду 0,15 саж. записали это обстоятельство, г.г. инженеры совместно съ представителемъ госуд. контроля г. Орлова, себѣ въ записныя книжки, и уехали составлять квитанцію для получения по ней денегъ. По приѣздѣ въ контору мнѣ вмѣстѣ съ расчетнымъ листомъ преподнесли маленькую записку, означенную нѣчто вроде сенатскаго. Вы, говорятъ, получите не по 1 р. 20 к. за сбдѣланную сажень, а по 1 р. 20 к. 30 коп. мы съ васъ удержимъ? Почему? А потому, видите, что хотя по обмѣру и значится слой всуду 0,15 саж., но тамъ раньше была сбдѣлана обсыпка насыпи и мы съ Васъ, все таки, удержимъ по 30 коп. а остальные поучите и распишитесь въ получении расчета и не имѣйи претензій къ управленію! Позвольте, господа, чего же вы мнѣ раньше не сказали о томъ, что тамъ уже кто-то работалъ и сбдѣлалъ эти 0,03, за которые приказано сыпать не 0,12 саж., а 0,15? Наконецъ почему вы до сихъ прістуда къ работамъ не пригласили меня для совмѣстнаго обмѣра, произведенныхъ мѣническимъ подрядчикомъ работъ? Покажите мнѣ документы, что эти 30 к. получили подрядчики, а не пошли они на черковыня дѣла.

Но возраженія мои, какъ всегда это и бываетъ, ни къ чему не привели. Тридцать коп.

сь меня все таки удержали. Не желая почитать пристрастия и добровольно жертвовать больше тысячи рублей, я всю эту историю перепелю Оренбургскому пришлому повременному Я. Д. Горчакову, который без труда доказав суду всю неосновательность удержаний выиграл это дело и Управлению нужно было уже уплатить мнѣ причитающуюся сумму до 1300 руб. Но тут является на сцену услужливый опереточный юриконсулт Управления печальный герой, не менѣе печального инцидента съ г. Ильинскимъ в. Кремлевъ. Отставая завѣдомо неправо дело, и не смотря на всю его правоту, для того чтобы дальнѣйшимъ судопроизводствомъ обесилить истца совершил о, онъ подаетъ апелляціонную «жалобу» (обидѣ несчастныхъ горемыкъ) въ палату гдѣ дело лежитъ уже третій годъ! Спрашивается почему все это? А потому, что Его П-во нужно за «экономію» получить «благодарности» отъ Министерства Путей Сообщения. До какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходитъ человеческое тщеславие. Для того, чтобы получить клочекъ бумаги съ выраженіемъ одобрения, Его П-во, не брезгая и «мѣдямъ платкомъ», загоняетъ «экономію» въ 2.000.000 рублей, (исковъ 3.500.000) пускаетъ людей по миру, и пользуется услугами зарплатавшаго флигера «Нового Времени» кинуть на воздухъ перекресткахъ о сбереженіи «народныхъ» денегъ и громадныхъ «добродуховныхъ» пожертвованій на церкви. Укажите мнѣ Ваше П-во кто «добровольно» жертвовалъ на церкви, и откуда бралъ деньги г. Виленскій (Вашъ крестникъ бывшій еврей) получавшій 2.400 рублей жалованья и пожертвовавшій, 19.000 и я жертвую (добровольно) причитающуюся мнѣ съ Управления деньги на право ученія тѣхъ дѣтей, родители которыхъ Вы пустили въ трубу. Какъ должны Вы себя чувствовать: Ваше П-во когда я, простой смертный, сознавая свою правоту, прямо и открыто говорю Вамъ генералу «Ваше превосходительство съ такими акрипорторскими привичками Вамъ мѣсто не въ Министерствѣ П. С. а на большой дороге». Тамъ больше простора, и размаху Вашему естѣ гдѣ разойтись». Времена Ваше П-во мѣняются. Когда-то Вашъ покорнѣйшій слуга во время вашихъ рапи де рѣзъ т. е. рѣзъ побѣдъ по дѣламъ—услужливо предостерегалъ всѣ Ваши малѣйшія желанія, а теперь ваши горюхи Вамъ «Отдайте мои деньги, если не хотите, чтобы Васъ ловили за фалды Вашего генеральскаго пальто, какъ пресловутаго Лидиала» Вѣдь поймите же Вы безсердечный человекъ, что нельзя отнимать у нищаго сумму, иначе онъ пойдетъ на преступленіе. Вы съты, одыны, отрращиваете себѣ животикъ на общественныя деньги, и ни чѣмъ не стѣнясь получаете за свою услужливость такое баснословное содержаніе, бвально рабите низшую братію.

К. Ф. Ще—въ.

ИНТЕНДАНТСКІЯ МЕЛОДИИ.

1. СОЮЗЪ ИСТИННО-РУССКИХЪ ПОДРЯДЧИКОВЪ.

Передо мной лежатъ два куска матеріи.

Первый—свѣтлошоколаднаго цвѣта, плотная, приятная на оупу бумажная ткань, среднее между тѣмъ, что у дамъ называется рождокой и вафельной матеріей.

Второй—темнаго землистаго цвѣта, льняная раventухъ, рѣдкій, сквозящій на свѣтъ, грубый, занозящій пальцы на оупу,—словомъ дерюга пригодная лишь на мѣшки

И вотъ эти два куска конкурируютъ между собой. И отъ того, который изъ кусковъ побѣдитъ зависитъ миллионный выпускъ того или другого синдиката подрядчиковъ.

Если бы эти тряпки умѣли говорить, они рассказали бы превозмутительнѣйшія вѣсти о той вакханаліи, которая совершается искони и совершается въ наши дни вокругъ ихъ.

Много десятковъ лѣтъ нашъ солдатъ получалъ бѣлье довольноесте изъ вотъ этой грубой кростричной льняной ткани.

«Дачку» эту онъ вынужденъ былъ продавать за безцѣнокъ на толкучемъ рынкѣ на мѣшки. Но на вырученныя отъ продажи деньги, онъ не имѣлъ возможности купить сносное бѣлье изъ хлопчатобумажной ткани и вѣчно нуждался въ носильномъ бѣлѣ.

И въ самомъ дѣлѣ нужно видѣть что такое представляетъ изъ себя этотъ рубашечный и подкладочный холстъ, нужно знать изъ какихъ суррогатовъ ткнутъ

ся они и какимъ допотопнымъ способомъ «бѣлаются», чтобы понять почему солдаты не могутъ, физически не могутъ носить этой ткани.

Это понялъ и Военный Совѣтъ. Особое совѣщаніе при Техническомъ Комитетѣ, въ которомъ участвовали представители разныхъ частей войска подъ предѣлительствомъ генерала Батынова, пришелъ къ единогласному заключенію, что для носильнаго постельнаго бѣлья арміи и госпиталей пригодны только хлопчатобумажныя ткани.

Такъ же Военный Совѣтъ призналъ, что рубашечный холстъ годенъ только на подкладку галстуховъ и утиральниковъ. Для ношенія же на тѣлѣ не пригоденъ вовсе, къъ раздражающій кожу, прѣющій и гниущій отъ испаренія тѣла.

И такой прѣющей и гниущей, съ позорными сказанъ, ткани, тринадцать подрядчиковъ, захватившихъ поставку въ свои руки, поставляютъ изъ года въ годъ сотни миллионы аршинъ по цѣнѣ отъ 7 до 8 1/4 копейкъ за аршинъ восьмивершковой ширины.

Послѣ окончания Русско-Турецкой войны до 1890 года поставщиками льняныхъ тканей, какъ для арміи, такъ и для госпиталей состояли: Алафузовъ, Александръ Щербаковъ, Сергѣй Сеньковъ, Вальковъ, Ураловъ, Мельниковская мануфактура, Локаловъ и Суздальцевъ.

На предвѣднннхъ къ торгамъ количества льняныхъ тканей каждая изъ упомянутыхъ фирмъ торговалась на опредѣленную часть общаго количества по приблизительно одинаковымъ цѣнамъ, и все изъ года въ годъ шло мирно и ладно.

Въ 1890 году къ подрядному дѣлу пристала фирма В. Ф. Демидова, въслѣдствіе чего цѣны на торгахъ на льняная ткани сильно понизились, и мирное теченіе подрядной жизни прежнихъ предпринимателей сильно нарушилось года на два. Цѣны на каждомъ торгѣ шли все ниже и ниже. Наконецъ, и фирма Демидова уже не торгуется на производное количество, а торгуется только на одну десятую часть всего предвѣдннаго къ торгу количества и по одинаковымъ цѣнамъ съ прежними подрядчиками.

Цѣны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли въ гору, и подрядное дѣло опять мирно потекло на нѣсколько лѣтъ.

Вдругъ къ этому дѣлу пристала Брюхановъ. Опять борьба на торгахъ, опять значительное пониженіе цѣны. Года черезъ два-три Брюхановъ торгуется уже только на одну десятую всего количества по одинаковымъ цѣнамъ съ бывшими его торговыми врагами, и цѣны опять стали крещендо повышаться на каждомъ торгѣ.

Откуда ни возьмись, появилась на подрядномъ горизонтѣ Нижегородская Льнопрядильная Мануфактура. Опять борьба, опять на торгахъ пониженіе цѣны. И... Нижегородская мануфактура послѣ короткой борьбы стала тоже торговаться только на одну десятую часть всего количества и по одинаковымъ цѣнамъ со всѣми остальными ветеранами.

Такія эволюціи происходили съ Малининымъ и съ Бруновымъ, и опять подрядное дѣло вошло въ свою старую хорошо протоненную колею, и опять «все обстоитъ благополучно».

Въ настоящее время подрядчиками льняныхъ тканей состоятъ: Алафузовъ, Щербаковъ, Сеньковъ, Вальковъ, Ураловъ, Мельниковская Мануфактура, Локаловъ, Суздальцевъ, Демидовъ, Брюхановъ, Нижегородская Мануфактура, Малининъ и Бруновъ. Этотъ союзъ истинно-русскихъ подрядчиковъ имѣетъ въ интенданствѣ прочная связь.

Стоитъ только посматрѣть производства о торгахъ въ Московскомъ, Петербургскомъ и Казанскомъ Военно-Окружныхъ Совѣтахъ, чтобы воочию убѣдиться какая чудная гармонія существуетъ между этими 13 подрядчиками, какъ гуськомъ стройно эти господа идутъ другъ за другомъ!

Самые торги совершаются, болѣе чѣмъ по семейному,—патриархальнѣйшимъ образомъ!

Вотъ какъ рисуетъ мнѣ эту процедуру одинъ изъ бывшихъ и выдающихся виды почтенный господинъ:

— Предъ каждымъ торгомъ, если онъ производится въ Петербургѣ, весь «союзъ» in corpore собирается въ домъ № 101 по Екатеринбургскому каналу. Тамъ предна-

значается, кому на какой складъ и на какое количество торговаться. На этомъ предварительномъ собраніи почти всегда, одинъ сочленъ «союза» жалуется на свою «обиду», что ему его доля мала, такъ какъ у него есть много «сродственниковъ» и «своиковъ», которымъ онъ долженъ удѣлить нѣкоторую часть поставки. Заявленіе это конечно вызываетъ протесты со стороны остальныхъ союзниковъ. Но «обиженный» знаетъ, когда нужно «союзу» наступить на моль и остается при своемъ неуклонномъ требованіи. Начинаются по этому поводу споры-раздоры, доходящіе иногда даже и до крѣпкихъ словечекъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ, идутъ съ «претендентомъ» на компромиссъ и дѣло, такъ или иначе, улаживается. Ну, дескать, хотя коза не совсѣмъ цѣла, но волкъ пока сытъ. Въ день торга утрюмъ весь «союзъ» опять является въ домъ № 101 съ готовыми написанными объявленіями, составленными согласно вѣрашенію рѣшенію, только безъ цѣны. Тутъ уже происходитъ совѣщаніе совершенно мирнаго характера о томъ, какія цѣны поставить въ объявленіяхъ. По единогласному рѣшенію цѣны устанавливаются и вносятся въ объявленія. Затѣмъ, когда все готово, эти объявленія передаются другъ другу для контроля: не вписали ли кто нибудь больше чѣмъ ему полагается. И послѣ этой послѣдней проверки наполненные объявленія кладутъ въ конверты. Ихъ запечатываютъ согласно требованіямъ закона и два «союзника» отправляются въ Военно-Окружный Совѣтъ, гдѣ конверты и подаются по принадлежности.

Въ Москвѣ предъ торгами такая же процедура какъ и въ Петербургѣ. Предварительное собраніе бываетъ на Пятницкой или на Остоженкѣ. Тутъ же рѣшается участь и Казанскихъ торговъ.

Подобная система также получила, какъ говорятъ, полное гражданство и по отношенію торговъ на вещи изъ непромокаемой ткани и брезента. На эти предметы въ слѣдствіе ограниченія конкуренціи, такъ какъ торговаться на эти предметы допускаются только заводчики, поставщики наживають до 300 %.

Часто интенданство вводитъ «союзомъ» въ заблужденіе въ отношеніи цѣны на льняная ткани вообще, а на холстъ въ особенности.

Курьезный эпизодъ вышелъ въ Московскомъ Военно-Окружномъ Совѣтѣ 3 ноября минувшаго 1906 г. Производились въ этотъ день торги на крашеный раventухъ или крашеную бумажную ткань и, смотря потому, что на торгѣ окажется дешевле, то интенданство и будетъ заготовлять.

По прочтеніи цѣны всѣхъ соискателей оказалось, что Алафузовъ, Щербаковъ, Романовская Мануфактура и т. д. запросили за крашеный раventухъ по 32 коп. за аршинъ, а поставщики бумажной ткани запросили за крашеную хлопчатобумажную ткань отъ 28 до 30 коп. за аршинъ. Льняные поставщики увидели, что на этихъ торгахъ провалились, забили въ набатъ:

«Льноводство, рабочій народъ, государственная повинности, отечественная промышленность» и т. д.

И съ этиими причитаніями снарядили цѣлую депутацию къ Главному Интенданту хлопотать все о томъ же рабочемъ народѣ.

Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ «представители льноводства въ Россіи и рабочаго народа добились назначенія

новыхъ торговъ, которые были произведены 29 декабря 1906 года. На вторыхъ торгахъ льняные поставщики вмѣсто 32 коп. заявили свои цѣны на крашеный раventухъ отъ 24 до 25 коп. за аршинъ.

Такимъ образомъ въ теченіе 56 дней сами льняные подрядчики показали, къ какимъ манипуляціямъ они способны прибѣгать, лишь бы не выпустить изъ своихъ рукъ казенную поставку, хотя бы пришлось ради этого скинуть съ своихъ собственныхъ цѣнъ не болѣе не менѣе, какъ около 175000 руб. на однихъ только этихъ торгахъ. А между тѣмъ по словамъ «Торгово-Промышленной газеты», никакихъ перегибовъ на льняномъ рынкѣ съ 3 ноября до 29 декабря не произошло. Крайне непонятно и крайне загадочно, чѣмъ собственно руководствовались льняные подрядчики на первомъ и вторыхъ торгахъ, называя свои цѣны.

Но какъ бы то ни было льняная дерюга побѣдила бумажную ткань.

И снова на плечахъ солдата будетъ «прѣть и гнить» эта вотъ самая занозящая черствая тропіа.

Но за то не пострадали интересы чертовой дюжины подрядчиковъ.

Имъ въ жертву и принесены интересы войска, потому что интенданство, какъ это выяснилось уже давнымъ давно, есть благотворительное учрежденіе для вспомоществованія нуждающимся кулакамъ и подрядчикамъ.

Въ угодъ этимъ же 13 подрядчикамъ пишетъ и нашъ офицеръ «Торгово-Промышленной Газета».

Она доказываетъ, что если интенданство суманничаетъ и одѣнетъ солдата въ бумажную ткань, тогда погибнетъ льняное производство Россіи.

По словамъ газеты, интенданство за послѣднее время систематически вытѣсняетъ льняная подкладочную и рубашечную ткань.

Это ужасно: вѣдь льна требуется на этотъ предметъ до 800.000 пудовъ въ годъ, по 5 р. 50 к. за пудъ. А это составляетъ 4.000.400 рублей.

Эти деньги интенданство хочетъ вырвать отъ крестьянъ льноводныхъ губерній!

Это совершенно не вѣрно. Эти 4.000.400 рублей съ меньшими хлопотами и болѣе чистыми и скорыми деньгами льноводы получаютъ всегда изъ чужихъ странъ, отъ экспортеровъ.

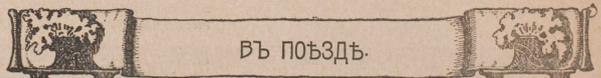
А кромѣ того, хлопководство уже сдѣлалось нашею родною отраслю промышленности: сотни тысячъ русскихъ подданныхъ живутъ этою все растущеею промышленностью въ Феранѣ, Коканѣ, Ташкентѣ, Андижанѣ.

Взгляните на наше крестьянство. Въ чемъ ходитъ оно. Въ хлопчатобумажныхъ тканяхъ. Но не въ льняной дерюгѣ.

Имѣемъ ли мы право, ради призрачныхъ интересовъ «льноводовъ», ради далекихъ призрачныхъ интересовъ союза истинно-русскихъ подрядчиковъ, лишать солдата того, къ чему онъ привыкъ въ деревнѣ и надѣвать на него дерюжная верига, которая прѣютъ и гниютъ и расчесываютъ до крови даже грубое мужицкое тѣло!

Довольно съ солдаты и воинской повинности, налагающей на нихъ обязанности защищать интересы казны.

Избавьте ихъ отъ интендантской повинности, налагающей на нихъ обязанности защищать интересы казенныхъ подрядчиковъ!

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Мчится поѣздъ въ даль туманную
По ковру степныхъ снѣговъ.
Навѣваетъ пѣсню странную,
Монотонную, безъ словъ.
Стукъ немолчный полъ вагонами
Разбѣжавшихся колесъ.
Отозвалась пѣсня стонами
Въ сердцѣ, полномъ мукъ и слезъ.
Поѣздъ мчится. Монотонная
Пѣсня летаетъ безъ конца.
И блуждаетъ дума сонная
Борозда черты лица.
Ищетъ линий полныхъ прелести

Въ чуждыхъ лицахъ и чертахъ,
И знакомыхъ звуковъ въ шелестѣ
Платья, въ шепчущихъ устахъ.
Межъ чертами сонно-скупными
Не найдя родныхъ, она
Въ ночь сърыданьями беззвучными
У замершаго окна
Притаится. Въ даль туманную
Мчится поѣздъ. Стукъ колесъ
Навѣваетъ пѣсню странную
Грусти полную и слезъ.

ЕВГЕНІЙ ТУДЕРЪ.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Испекла бабушка пирожков да лепешечек и говорить:

— Снеси это, внучка, твоему отцу в город. Он сидит — второй корпус, третья галерея, камера 379. Поклонись ему от меня и скажи, что я здорова, чего и ему желаю.

Надѣла внучка свою красную шапочку, взяла кузовочек и пошла. Только вышла из деревни, а на встрѣчу ей вѣдьма Тудырга, — старая престарая, горбатая распрегорбатая.

— Куда Красная Шапочка идешь?

— В город! Къ батюшкѣ. Онъ у меня сидит во втором корпусѣ, въ третьей галереѣ, камера 379.

— Будешь въ тюрьмѣ, поклонись моему внуку, онъ въ первом корпусѣ, во второй галереѣ, камера 213.

— Ладно, бабушка. Не забуду.

— А что у тебя въ кузовочкѣ? — Пирожки да лепешечки для батюшки. Я и твоему внуку удѣлю.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка за доброту, за ласковость. Когда тебѣ плохо будетъ ты только крикни:

Тудырга
Превратудырга
Турдыгосочка,
Пусть я буду козочка!

— Прощай бабушка. Спасибо тебѣ.

Пошла Красная Шапочка дальше. А на дорогѣ лѣсъ дремучій распредремучій.

Идетъ дѣвочка лѣсомъ.

Вдругъ навстрѣчу казакъ.

Погнался за Красной Шапочкой. Вотъ ужъ совсѣмъ облапиль. А она какъ крикнетъ:

Тудырга —
Превратудырга
Турдыгосочка, —
Пусть я буду козочка!

— А казакъ и вниманія не обратилъ, что передъ нимъ коза. Надругался, натѣшился сколько душенькѣ хотѣлось, и потомъ поѣхалъ своей дорогой, крикнувъ:

— Скажи спасибо, что башку на плечахъ оставилъ тебѣ.

А Красная Шапочка снова превратилась въ дѣвочку.

Идетъ дальше лѣсомъ. Вдругъ на встрѣчу еще другой казакъ. Хочетъ дѣвочку изнасиловать. Только что ее облапиль.

А она какъ крикнетъ:

Тудырга —
Превратудырга —
Турдыгосочка
Пусть я буду кошечка!

Надругался, натѣшился казакъ Кошечкой сколько силъ стало и говорить:

— Скажи спасибо, что живой оставляю.

Поѣхалъ казакъ своей дорогой, а Красная Шапочка превратилась въ дѣвочку и пошла дальше.

Вдругъ навстрѣчу казачій патруль. Хочетъ ее изнасиловать. Схватили дѣвочку казаки. Только-только успѣла она крикнуть

Тудырга —
Превратудырга
Турдыгосочка, —
Пусть я буду осочка!

Превратилась въ осу, ужалила казачьяго атамана въ самое больное мѣсто и полетѣла въ городъ.

Стала Красная Шапочка подлетать къ самому городу, превратилась снова въ дѣвочку.

Только вошла въ городъ, а городской увидалъ, что на ней красная шапочка, схватилъ ее обыскалъ всю до чиста, съѣлъ пирожки да лепешечки. И не успѣла дѣвочка Тудыркукрикнуть, какъ очутилась въ тюрьмѣ корпусъ второй, галерея третья, камера 380.

Пробовала было дѣвочка и въ козочку, и въ кошечку, и въ

осочку превращаться, ничего не помогаетъ. Окошко закрыто — никуда не дѣнешься.

Вдругъ слышитъ она подъ вечеръ, что кто-то въ стѣну стучитъ.

— Тукъ-тукъ-тукъ!.. Кто тутъ сидитъ?

Дѣвочка отвѣтила:

— Тукъ-тукъ-тукъ! Это я Красная Шапочка!.. А вы кто будете?

— Тукъ-тукъ-тукъ!.. Я твой крамольникъ отецъ.

Какъ услышала эти слова Красная Шапочка, очень обрадовалась. Значить это добренькая Тудырга нарочно такъ устроила, чтобы дочкѣ возлѣ отца камеру отвели.

Всю то ночь дѣвочка съ папой простукала. Да и на слѣдующій день хватило.

Просидѣла Красная Шапочка въ тюрьмѣ четыре мѣсяца. Повезли ее въ жандармскую на допросъ.

— Сознавайся! А если не сознаешься бить будемъ.

Испугалась дѣвочка чуть-чуть не забыла шепнуть тудыргу превратудыргу. Однако спохватилась во время и превратилась въ Козочку.

Полковникъ жандармскій ее спрашиваетъ:

— Намъ достовѣрно извѣстно, что ты принадлежишь къ боевой организаціи.

А Козочка:

— Бе-е-е!.. Брекеке...

Осерчалъ полковникъ:

— Отодрать ее какъ Сидорову козу и убрать опять въ тюрьму.

Какъ не били Козочку, а она все:

— Бе-е-е!.. Брекеке...

Такъ ни въ чемъ и не созналась.

Отвели Красную Шапочку въ тюрьму, а она въ камерѣ опять въ дѣвочку превратилась.

Черезъ четыре мѣсяца повели ее опять въ жандармскую на допросъ.

Полковникъ говорить:

— Намъ достовѣрно извѣстно что ты несла въ кузовочкѣ бомбы. Сознавайся. Иначе мы тебя будемъ пытаться.

А дѣвочка про себя шепнула Тудыргу.

И превратилась въ Кошку. Какъ ни пытали Кошку, она все.

— Мяу-мяу-мяу...

Посадили Красную Шапочку опять въ тюрьму. Черезъ четыре мѣсяца повезли ее на допросъ въ третій разъ.

Полковникъ говорить:

— Мы достовѣрно знаемъ изъ какой ты деревни родомъ и сейчасъ пошлемъ приказъ арестовать твою бабушку, изготовительницу бомбъ. Сознавайся. А не то сейчасъ крикну Казаковъ и уошцу ихъ тобою...

Превратилась дѣвочка въ Осу, ужалила полковника въ самый носъ, вылетѣла въ трубу, сбросила съ себя красную шапочку, чтобы ее сыщики не узнали и пошла мимо губернаторскаго дома.

Увидалъ губернаторъ ее въ окошко. Захотѣлось ему ее высѣчь. Велѣлъ схватить.

Потащили палачи ее въ застѣнокъ. А она превратилась въ Козу. Сбѣгутъ палачи Козу, а она:

— Бе-е-е... брекеке...

Отсѣклась дѣвочка, идетъ какъ ни въ чемъ не бывало идетъ по улицѣ. Ни одного на тѣлѣ знака препинанія не замѣтно. Увидалъ ее губернаторъ изъ другого окна. Захотѣлось ему дѣвочку повѣсить.

Потащили ее къ висѣлицѣ. А она оборотилась Кошечкой. Повѣсили ее палачи. Цѣлый часъ она въ петлѣ провисѣла. Мертвой превратилась.

Понадобилась палачам веревка других вѣшать, Они сняли кошку и бросили ее подъ заборъ.

А Красная Шапочка опять сбѣгалась дѣвочкой. Увидаль ее губернаторъ въ третій разъ. Осерчалъ сильно.

— Разстрѣлять ее!

Позвали три полка самихъ цѣлкихъ солдатъ. А дѣвочка превратилась въ Осу. Такъ всѣ и промахнулись.

Полетѣла Оса въ родную деревню. Лѣтѣла-летѣла,—въ лѣсъ прилетѣла.

Видитъ казака, который ей въ первый разъ въ этомъ лѣсу повстрѣчался.

Съ повышеніемъ.

И второго казака, встрѣтила. Тоже съ повышеніемъ.

И третяго. Съ орденомъ.

Вылетѣла она изъ лѣса. Вотъ и родное поле. Снова превратилась въ дѣвочку. Идетъ себѣ веселая.

А вотъ ужъ вдалькѣ и родная деревушка. Смотритъ—дымъ отъ нея идетъ. Забилась у Красной Шапочки сердечко.

Пустилась она бѣжать. Добѣжала до деревушки, а тамъ—каратели.

Бросилась она къ бабушкѣ, а та ужъ не дышетъ. Всю ее каратели раскарали.

Всплеснула Красная Шапочка руками, зарыдала и того не замѣтила какъ трое карателей ее самую схватили и одинъ за другимъ начали ее карать...

Вотъ, дѣтки, лучше сознавайтесь сразу. А не то никакія Тудырги-Превратудырги васъ отъ гнѣва правосудія не спасутъ.

Кабы Красная Шапочка сразу во всемъ призналась сидѣла бы она до сихъ поръ преблагополучно въ тюрьмѣ и можетъ быть къ совершеннолѣтію своему до какой-нибудь амнистіи и досидѣлась бы.

И потомъ за Тудыргина внука замужъ вышла. И стали бы они жить поживать да дѣтей называть.

Н. ШЕВУЕВЪ.

УПАДОКЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ.

Русское музыкальное творчество въ области опернаго жанра, проявившееся съ такой необыкновенной силой въ срединѣ XIX столѣтія, постепенно заглохло.

Причина кроется въ ненормальности тѣхъ условий, въ которыя поставлены русскіе композиторы.

Со времени Глинки казенныя оперныя сцены дали возможность увидѣть свѣтъ рампы цѣлому ряду русскихъ оперъ.

Попадались между ними и слабыя вещи въ видѣ «Грозы» Кашперова и другихъ. За то мы почти въ два десятилѣтія приобрѣли «Князя Игоря» Бородина, «Хованщину» и «Бориса Годунова» Мусоргскаго, «Вильяма Ратклифа», «Анджело» Кюи и «Снѣгурочку» Римскаго Корсакова. Съ тѣхъ поръ много воды утекло... И наши казенныя оперныя театры перемѣнили фронтъ.

Общественное движеніе шестидесятихъ годовъ замирало и вмѣстѣ съ этимъ воцарилась рутинная и затхлость въ дирекціи.

Новымъ произведеніямъ русскихъ композиторовъ не удѣлялось мѣста. Всѣ старанія ихъ увѣнчивались отказомъ. Да и вообще можетъ ли теперь безъ протекціи попасть на казенную сцену талантливое произведеніе молодого рускаго автора?

Есть ли такіе наивные люди, вѣрающіе въ это?

Смѣшно объ этомъ, пожалуй, и говорить человѣку, вращающемуся въ музыкальной средѣ.

Когда въ казенный театръ закрылся доступъ, очередь перешла къ частнымъ сценамъ.

На нихъ впервые появились «Пеквиотьяка», «Садко», «Царь Салтанъ» Римскаго Корсакова.

Начиная съ «Царской невѣсты» славный композиторъ снова попадаетъ на казенную сцену.

Quod Licet Iovi, non licet Bovi и молодые композиторы по прежнему не имѣли себѣ мѣста.

Въ послѣднее время и частныя антрепризы перестали знакомить съ русскими новинками.

Виною всему слишкомъ коммерческая постановка дѣла.

Для такихъ антрепризъ, какъ Церетелли, на первомъ планѣ сборъ. Какъ можно больше: путемъ ли гастролеровъ или постановкой запѣтыхъ и заѣзженныхъ оперъ.

Для нихъ держать антрепризу все равно, что открыть магазинъ или лавку, чѣмъ бы она не торговала, лишь бы была прибыль.

Посмотрите, что наобѣщала Церетелли. И ничего не исполнилъ!

Отчего не объявить анонсъ и ничего не исполнить—риска никакого!

Частныя музыкальныя общества, какъ напримѣръ «Общество музыкальныхъ соб-

раній», ставившее раньше «Хованщину», «Бориса Годунова», отказалось уже давно отъ этой цѣли.

Филантропическое общество, будучи въ состояніи давать большія ораторіи, тоже бездѣйствуетъ.

Есть теперь Народный домъ, но онъ по своему назначенію популяризируетъ оперы уже общеизвѣстныя или ставитъ новыя въ видѣ «Царя Плотника» Лорцинга, руководясь въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ выборомъ сюжета. Петербургъ совсѣмъ не видѣлъ на сценѣ ни двухъ одноактныхъ оперъ Рахманинова: «Скупой рыцарь» и «Франческа», ни «Добрыню Никитыча» Гречанинова, ни «12 годъ» Калинникова, ни «Въ грозу» Ребикова. А сколько есть еще другихъ,—ну хотя бы оперы Аренскаго. Казалось бы кому, какъ не намъ русскимъ поставить ихъ у себя.

Молодые авторы или совсѣмъ не пишутъ теперь оперъ или пишутъ одноактныя, безсчитывая на большую вѣроятность постановки.

Въ оперѣ важнѣе, чѣмъ въ симфонической музыкѣ, автору слышать свою вещь, чтобы сумѣть вполне овладѣть этимъ жанромъ.

Здѣсь соприкасаются всѣ искусства. Бываетъ прекрасная музыка, но сама опера мало сценична и наоборотъ; или техническія трудности постановки, дѣлаютъ ее недоступной для исполненія.

Опернаго меценатства у насъ не существуетъ.

Нѣкоторымъ суррогатомъ оперы явля-

ется теперь балетъ, гдѣ молодымъ авторамъ много легче добиться желаемого. Начиная съ Глазунова, у насъ начали писать балеты серьезные композиторы. Казенная сцена благоприятствуетъ этому, заказывая имъ музыку.

Постепенное развитіе нашего музыкальнаго искусства, стремящагося къ высшимъ формамъ, рождаетъ симфонію.

Это обстоятельство въ связи съ неблагоприятными условиями для опернаго существованія заставляетъ молодыхъ авторовъ отдаваться болѣе симфонической музыкѣ, чѣмъ оперѣ. Концерты, основанные Бѣляевымъ, оказываютъ въ этомъ отношеніи значительную поддержку.

Теперь при разрастающемся общественномъ движеніи, когда къ культурѣ приобщаются широкіе слои населенія, влеченіе къ оперѣ, какъ болѣе доступное пониманію массъ, быстро растетъ.

Старые сюжеты отживаютъ и не затрагиваютъ. Примѣръ—«Жизнь за Царя», не смотря на свою живую музыку.

Необходимо широкое развитіе оперы, наиболее излюбленнаго жанра прежними русскими композиторами.

Молодая Россія должна дать новыя сюжеты и новую музыку! За оперной музыкой, пожалуй, скорѣе будетъ и новое слово.

В. СЕНИЛОВЪ.

СИМФОНІЯ.

ВЕЧЕРЬ ИСПОРЧЕННЫХ ВЕЩЕЙ.

Я говорю о концертѣ русскихъ молодыхъ композиторовъ 18-го февраля. Рѣльную пытку представлялъ онъ изъ себя.

Вѣдь, для автора, будь онъ драматургъ, поэтъ, художникъ или музыкантъ, нѣтъ большаго мученія, чѣмъ видѣть свое твореніе въ плохой репродукціи.

Репродукторы талантливыхъ вещей молодыхъ композиторовъ оказались совсѣмъ не на высотѣ своего призванія. Больше всего былъ испорченъ прекрасный квартетъ В. Сенилова. Надъ его погубило трудили А. В. Иванова-Ясенювская, А. А. Ленский и двѣ вокальных «силы», предупредительно скрывшихся подъ инициалами.

На совѣсти г-жи Ивановой-Ясенювской лежитъ и знакомый читателямъ «Газеты Шебуева» романъ В. Сенилова «Сирень»,—такой задушевный, сотканый изъ лучей заходящаго солнца и аромата сирени, и романъ А. Чеснокова.

Особенно много грѣха взялъ на душу Ф. В. Леженъ, пьянствѣ каботажнаго плаванья.

Онъ безукосно передалъ 4 названныхъ пѣски покойнаго И. Покровскаго, обезцвѣтили «Цвѣты» М. Чернова (—два номера этой ежениты были помѣщены въ

моей газетѣ) и безукосно провѣлъ вкусную пѣску А. Тарутина.

Чутьочку повнимательнѣе и потолковѣе взялся за прелюдію А. Чеснокова пѣянистъ А. Г. Лемба.

Изъ пѣвцовъ лучше другихъ Н. М. Барышевъ, романсами А. Тарутина заинтересовавшей аудиторію.

За то такихъ исполнительницъ, какъ Ѳ. М. Дразнина и О. А. Лапина и я врагу лотому не пожелаю.

Вообще, не смотря на отвратительное исполненіе г. Черновъ, Тарутинъ, Сениловъ и Петровъ-Боариновъ—ученики Н. А. Римскаго-Корсакова—мнѣ лично понравились.

Публика тоже настойчиво вызывала ихъ. А выходили исполнители и кланялись. — Н. ШЕБУЕВЪ.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу «Первый сборникъ революціонныхъ пѣснъ», гармонизованныхъ А. Ф. Ч. въ изданіи «Вѣщаго Баяна». Послѣ отдѣльныхъ изданій каждой пѣсни, часто неудачно гармонизованной, подобный сборникъ обращаетъ на себя серьезное вниманіе. Заслуживаетъ похвалы легкомысленно сдѣланнаго фортепьяннаго преложенія, доступнаго каждому играющему на этомъ инструментѣ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь, Николай Георгиевичъ, ради Бога, простите меня за безпокойство Васъ.

Повѣрьте мнѣ: семья наша и я въ отчаяніи и только еще послѣдняя просьба къ Вамъ, и эта просьба, быть-можетъ, удовлетворитъ насъ нравственно.

Я было у Васъ вчера,—къ сожалѣнію не засталъ Васъ дома. Причѣ домой, я пишу эти строки; быть-можетъ они не проникнутъ ли до Васъ.

Я желалъ бы отъ всей души рассказать Вамъ о семейномъ и моемъ отчаяніи въ поискахъ за правдой.

Въ краткой формѣ я скажу мою просьбу.

«Въ городѣ Устюжнѣ, Новгор. губ. «назначено къ слушанію дѣло въ окружномъ судѣ, дѣло объ убійствѣ моего брата, Дмитрія Романишниковъ и виновные въ этомъ убійствѣ вызваны свидѣтелями, а не виновниками. «Дѣло будетъ слушаться 28 февраля «сего года».

За что убить и какъ велось дознаніе—это грязная и невыносимая до боли души исторія.

Наша семья дружила съ учителями и учителями нашими мѣстныхъ сельскихъ школъ и братьей моихъ любили эти люди.

Когда же вышелъ манифестъ 17 октября, то они первая съ учительницею на сходѣ всѣхъ мужиковъ въ деревнѣ объяснили его значеніе.

У мужиковъ сейчасъ вышелъ такой выводъ изъ него:

«Братьцы чего намъ теперь бояться, давайте не дадимте нашему деревенскому кулаку Кантонистову засаривать нашу пахотную землю около рѣки строительными материалами; а то пускай онъ

«плотить деньги по стоимости за десятину».

Тогда братъ мой сказалъ: «Это правильно, ребята такъ и нужно оно».

Услыша эти разговоры кулакъ Кантонистовъ шикомъ рассердился и пригрозилъ... ужотко васъ!.. Дѣйствительно оклеветанная въ реакціонное время учительница угодила въ тюрьму.

Братъ мой собралъ сходъ и написали приговоръ въ ея оправданіе—такъ и выгнали ея изъ тюрьмы. Но братъ мой получилъ угрозу похуже тюрьмы.

Дѣло совершилось: 26 июня 1906 года Григорій Кантонистовъ ласково и любезно вызвалъ брата съѣздить въ одно село, гдѣ заранѣе было подготовлено все...

И брата не стало! Осталась жена и трое малолѣтнихъ дѣтей.

Мужики ближнихъ селъ всѣ проважали гробъ и плакали. Что дѣлать, противъ денегъ не пройти!

Боже правый! почему это такъ! виновные не привлекаются? почему?!

Вахтеръ при учебномъ кабинетѣ и библиотекѣ кадетскаго корпуса Императора Александра II.

Иванъ Романишниковъ,

Итальянская 12.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

Открытое письмо М. А. Любарской-Писменной къ В. Д. Бѣлову.

Глубокоуважаемый и дорогой,

Василій Дмитріевич!

Власть Мамонъ.

«И изъ дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какою имѣютъ змѣи скорпионы. У ней были хвосты, а въ хвостахъ ея были тѣла; власть же ея была вредить людямъ».

Откровеніе Св. Іоанна.

Прочла и я Ваше открытое письмо въ газетѣ Шебуева. И сдается мнѣ, къ великому прискорбію, что наше дѣйствіе разногласіе на почвѣ оцѣнки личности и государственной дѣятельности графа Витте не прошло безслѣдно. Вы, повидимому, перестали меня понимать. Болѣе того. Клеветайте на меня, придавая моимъ поступкамъ окраску личнаго характера, въ данномъ случаѣ, совершенно имъ чуждую, ибо, какъ это и Вамъ извѣстно, я привыкла рѣдко разграничивать въ своей оцѣнкѣ—государственную дѣятельность людей отъ ихъ поступковъ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ. Такъ относилась я всегда и къ главнымъ виновникамъ нашего несчастія. Благоволите это припомнить.

Бросая мнѣ упрекъ въ «некорректности» за появленіе вашего письма, «безъ вашего вѣдома» на столбцахъ газеты, Вы, очевидно, забываете, что я исповѣдую не только на словахъ, а на дѣлѣ принципъ: *audiatur et altera pars*, доказательствомъ чему, между прочимъ, служитъ и наша съ вами дружба; принципъ обязавшій меня познать читателя и съ тѣми доводами, несомнѣнно говорящими въ пользу графа Витте, которыми въ свое время удалось Вамъ убедить меня не оглашать до созыва первой Гос. Думы моего письма въ иностранной прессѣ.

Согласитесь, что въ интересахъ справедливости должна же я была противопоставить моимъ обвиненіямъ—Вашу горячую защиту. Что я и сдѣлала, не

находя основной прелварительной испрашивать на то вашего благосклоннаго разрѣшенія. За это отступленіе неумышленное, прошу не гнѣваться, простить.

Далѣе, въ своемъ письмѣ Вы не останавливаетесь передъ тѣмъ, чтобы объяснить оглашеніе моихъ писемъ въ настоящий моментъ—желаніемъ моимъ «расправиться» съ графомъ Витте не только какъ съ общественнымъ и государственнымъ дѣятеlemъ, но и какъ съ человекомъ, надѣвшимъ мнѣ много зла.

За чѣмъ говорите Вы это?—Съ дѣлю меня уязвить?—притомъ зная, что личные счеты мои съ графомъ Витте давно отошли на задній планъ—стужевались, забыты передъ страшной угрозой увидѣть вновь у власти этого человѣка, сознательно причинившаго столько зла, столько страданій Россіи.

Нѣтъ, не личная месть, а только страхъ, страхъ за смерть лучшихъ народныхъ надеждъ, упований всей жизни, безысходное отчаяніе за тотъ краткій вѣкъ, который остается провратить намъ на Русской Землѣ—грѣшнымъ людямъ, побудилъ меня именно теперь напечатать эти письма.

Если хотите, то въ этомъ отчасти виноваты и вы, упрямо, настойчиво всегда твердившій въ отвѣтъ на всѣ обоснованныя обвиненія наши противъ графа Витте: «Чтобы Вы тамъ не говорили, не дѣляли, какъ бы не ругали Витте, а онъ все таки будетъ у власти. Намъ безъ него не обойтись». Оглянитесь кругомъ. Гдѣ же Вы найдете другое лицо, способное вывести Россію изъ тупика на жизненный просторъ? И только одинъ Витте при своей изворотливости можетъ спѣться съ нашей Думой. Когда человѣкъ опасно боленъ, онъ принимаетъ ядъ? Россія тяжко больна. Гдѣ ужъ тутъ критиковать, переоцѣнивать нравственныя качества человѣка, когда надо спасать Россію. Берегите же то, что есть. У насъ нѣтъ другого такого работника,

какъ Витте. И при Думѣ Витте пойметъ, что ему нельзя двоедушничать, вилать; товеръ онъ пойдетъ по прямой дорогѣ...»

Такъ говорили Вы, безпощадно испытываете мое терпѣніе...

Въ чемъ вы безусловно правы, такъ это въ томъ, что я никогда не раздѣляла, да и не могла раздѣлять моего личнаго горя отъ горя общественнаго, такъ какъ дѣйствительно оно составляло одно общее горе Россіи, воочію свѣдѣтельству о полномъ упадкѣ правосудія въ странѣ въ моментъ, когда, среди общаго беззаконія и произвола, суду должно было быть отведено особенно важное мѣсто—охранителя гражданскихъ интересовъ населенія, восстановителя нарушенной правды, воспитателя народа въ духѣ права и законности.

Уже тогда, вмѣстѣ съ нами, Россія изнывала отъ неправосуднаго, мстительнаго суда, раболопно подчинявшагося министерскому циркулярамъ, приказамъ «свыше» и отъ судебной волокиты. Неправда въ судахъ постепенно подрывала въ населеніи и послѣднее его довѣріе и уваженіе къ закону, праву, къ власти—даже къ той, на которой лежитъ священная обязанность защиты слабыхъ, униженныхъ оскорбленныхъ. «Пока судебныя учрежденія твердо и нелицеприятно исполняютъ свой долгъ, жить еще можно, зло еще поправимо,—говоритъ народная мудрость. Но на Руси рушилась и эта послѣдняя опора спокойствія, порядка. Недовольство судомъ является одной изъ главныхъ причинъ настоящаго революціоннаго настроенія.

Смѣю думать, что объ этомъ никто не будетъ спорить со мной.

Но я никогда не «громила», какъ выражаетесь Вы въ своемъ письмѣ, главныхъ виновниковъ нашего горя. «Громить»—значитъ бездоказательно позорить, поносить.

Нѣтъ, я только имѣла мужество называть дѣянія этихъ российскихъ сановниковъ ихъ настоящими именами въ то время еще, когда страна въ рабскомъ оцѣбненіи отъ долгодѣтнаго бюрократическаго гнета, продолжала все также молчаливо и покорно подчиняться необузданному своеволію и произволу командующихъ классовъ, усиливающимся съ каждымъ годомъ. Для меня было ясно, что подобное напряженное и невыносимое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ.

Всѣ препроводительныя письма мои къ стенографическимъ отчетамъ, изданнымъ по банковымъ процессамъ—Харьковскому

и Екатеринославскому, всѣ копии съ моихъ писемъ и телеграммъ на имя нашихъ министровъ, разсылаемая мною въ сотняхъ экземпляровъ по всей Россіи, наконецъ, обращеніе моего покойнаго мужа къ Харьковскому дворянству—спрятанное подъ сукно по волѣ мѣстной администраціи,—служатъ неопровержимыми доказательствами тому, что я дѣйствительно никогда «не громила» высшихъ жрецовъ беззудія и беззавія, заполонившихъ всю Русскую Землю, а только стремилась своевременно, съ фактами въ рукахъ, предостеречь русское дворянство и общество отъ страшнаго грозы, по справедливости признавая свое дѣло, не только дѣломъ общественнымъ, но и первостепенной государственной важности.

Но тщетно будила я тогда общественное самосознаніе, говоря: «Господа!—нельзя-же забывать, что правосудіе главный регуляторъ государственной жизни. Оглянитесь и поймите, что сегодня мы плаки жертвой беззавія и беззудія, а завтра та-же участь постигнетъ и Васъ!»—письма мои въ то время признавались чуждыми не зловредными прокламаціями; общественные дѣятели, предводители дворянства, получившіе ихъ, какъ передавали мнѣ, показывали или читали ихъ изъ подъ полы... И надъ Россіей грянула гроза!—По чей же милости нами пережиты—государственная и Дально Восточная Цусимы?—Кто создалъ настоящій *gachis russe*?—

Тутъ ставлю точку и спѣшу выразить полную мою готовность—разъ, что угодно Вамъ, продолжать на столбцахъ газеты, а не у меня въ гостиницѣ, нашъ прерванный разговоръ о графѣ Витте. Согласно, хотя меня Вы захватили въ располыхъ—безъ данныхъ и тѣхъ официальныхъ документовъ, которыя имѣются у меня въ Харьковѣ по разнымъ отраслямъ государственной дѣятельности графа Витте. Всего въ памяти вѣдь не удержишь. Ну, что дѣлать! *Toute lettre demande une réponse, comme toute offense demande un coup d'épée*. Вспользуясь матеріаломъ находящимся у меня подъ рукой.

Мою бесѣду съ Вами я поведу въ порядкѣ постепенности, какъ слѣдовало—одно за другимъ—мѣрорпріятія и государственныя заслуги графа Витте, за которыя, по мнѣнію Вашему, Россія, какъ-никъ-какъ, обязана кланяться и благодарить Сергія Юльевича.

Значитъ приходится начать съ злотовъ валутой и промышленности—вопро-

АСОЦИОЛОГИЯ.

Не утверждено еще прочного положения в науке за социологией, как держат говорить уже об асоциологии.

Многим идея асоциологии может казаться странной. Правда, могут сказать они; с тех пор как существует общество в нем наблюдались наличность антиобщественных элементов.

Но исследование этого явления неразрывно связано с исследованием общества и поэтому асоциология, как таковая, не может существовать отдельно.

Она может входить только в социологию.

Такого рода взгляд объясняется недостаточным пониманием антиобщественных элементов. Приверженцы социологии находят, что эти элементы в различные эпохи общественной жизни, были различными, что они постоянно на протяжении веков видоизменялись соотвѣтственно тѣм или другим формам общественной жизни.

Короче они находят, что антиобщественных элементов, как таковых не существует.

Существуют только новаторы общественной жизни, которые пережив современную им формы общественной жизни предвосхитив новые формы, не могут оставаться в первых и выходить за грань их.

Таким образом — не углубляясь во вглубь времени — асоциальным элементом во новейшее время были первые

французские республиканцы, послѣдующие затѣм революционеры.

Даже Маркс и его единомышленники в свое время относились къ этому элементу.

История нѣмецкой интеллигенции подтверждает это, рассказывая об образѣ жизни группировавшагося вокруг Маркса кружка.

Асоциальным элементом являются также русские эмигранты в Парижѣ, Лондонѣ, Швейцарии.

Но все они асоциальны с точки зрѣнія того общества — врагами которых они выступаютъ.

Асоциальность ихъ слѣдовательно только кажущаяся временная, скоро переходящая. Наука асоциология, которой я предсказываю несомнѣнный пышный расцвѣтъ в ближайшее время — не эти элементы будетъ имѣть въ виду.

Она, главнымъ образомъ займется исследованиемъ того асоциального элемента, сущность котораго во все времена была одной и той же.

Этимъ элементомъ — является богема. Определѣние этого элемента словомъ богема имѣетъ своимъ источникомъ новейшее время.

Заслуга этого опредѣленія принадлежитъ французскому романисту Мюрге — давшего намъ различныя образы асоциального элемента нашего времени.

Но то, что мы понимаемъ подъ словомъ богема — существовало слѣдственно. Что такое богема?

Это во большинствѣ случаевъ группы литераторовъ, художниковъ, артистовъ — людей рѣзкой индивидуальности — несообразныхъ ужиться съ застывшими формами, понятными современному имъ обществу.

Богема ярко расцвѣтаетъ только въ

Дума первая — остроконная,
А вторая — остороконная...
Конфетка моя, леденистая,
Полубила Милюкова румянистаго...

Дума первая — съ Аникинымъ...
Подождемъ, что въ этой выкинемъ...
Конфетка моя, леденистая,
Полубила Милюкова румянистаго.

совъ не подлежащихъ моей компетенци, но которые всегда меня глубоко интересовали, въ которыхъ старалась разобраться, сознавая что съ ними неразрывно связано не только личное благополучіе каждаго изъ насъ но и благосостояніе всего государства.

Вы говорите, что золотая валюта извѣстила насъ отъ подданства Берлинской биржи, отъ раззорительной игры на курсъ нашего рубля; что благодаря графу Витте страна покрывалась фабриками и заводами, по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, пожалуй, больше чѣмъ слѣдуетъ и что покровительственной ввозной пошлиной, поддержанной Витте, достигнуть теперь вывозъ нашихъ металловъ, сильно упавшихъ въ цѣнѣ. Это Вы ставите на кредитъ графу Витте? —

Я не могу спорить съ Вами по такимъ сложнымъ, финансово-промышленнымъ вопросамъ, а вотъ Вамъ мнѣнѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, которые къ тому же подводятъ итоги во что обидѣла Россия: золотая валюта и «огромная» промышленность, искусственно созданная графомъ Витте. Это будетъ дебеть графа Витте. Только мнѣ придется начать издалека. Не надобѣсть бы намъ съ Вами читалого.

Прежде всего напомину Вамъ о финансовой запискѣ бывшаго французскаго министра финансовъ г. Меллина (въ свое время надѣлавша много шума, и которую, вѣроятно, читали и Вы), энергично ратовавшаго противъ реформы нашей денежной системы, доказывая:

1) что Россія чисто земледѣльческая страна и что хлѣбъ составляетъ главный предметъ ея вывоза; при золотой же валютѣ русское земледѣліе непременно задохнется в безысходномъ безденежьи;

2) что при нашей громадной задолженности и сравнительно слабымъ экспортомъ — золото будетъ систематично уплывать отъ насъ за границу, слѣдовательно, придется прибѣгать все къ новымъ займамъ и Россія, такимъ образомъ, обречена будетъ золотой валютой на «хроническое» раззореніе.

Нашлись и у насъ люди, желавшіе своевременно предупредить Витте отъ «золотой авантюры». Одинъ изъ нихъ, г. Бутин, котораго Вы знаете, вслѣдъ за появленіемъ въ «Новомъ Времени» (16 марта 1895 г.) статьи «Золото или серебро» за подписью литеры «В.», подаль С. Ю. докладную записку, въ которой ариеметическимъ подсчетомъ до-

казалъ, что въ Россіи золотая валюта понизитъ разомъ цѣну хлѣба на 36% вѣ.

Прочитавши эту записку, Витте принялъ ея автора, которому сказалъ: «Ваши цифры — неопровержимы, но Вы защищаете интересы небольшой группы лицъ.

На замѣчаніе, что эта «небольшая» группа лицъ, по собственному же подсчету С. Ю., составляетъ не болѣе, какъ 85% вѣ всего населенія, Витте отвѣтилъ: «Все равно. Цифры Ваши признаю неопровержимыми, но я не могу принять ихъ въ соображеніе». И денежная реформа проведена была графомъ Витте поимно Государственного Совѣта...

Въ интересахъ восторонняго и безпристрастнаго освѣщенія, затронутыхъ Вами вопросовъ, позволю привести почти in extenso передовую статью журнала «Гасло» — органа украинцевъ-соціалистовъ (май, 1902 г.) подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ министерской дѣятельности Витте». Съ этой статьей, вѣроятно, мало кто у насъ знакомъ.

«Заикиваніе русскаго правительства передъ успѣвшей уже народиться и окрѣпнущей промышленной буржуазіей — говоритъ Левъ Кошутъ — особенно рѣзко выразилось за время управленія Витте министерствомъ финансовъ (1892—1902 гг.) Это былъ періодъ исключительныхъ и постоянныхъ голодовокъ русскаго крестьянства, по временамъ проявлявшихся съ особенною интенсивностью, какъ это было въ 1892, 1894, 1898 и 1899 гг., когда голодъ несъ съ собою въ цѣлыя округа повальныя болѣзни и смерть населенію.

«Но жизненные интересы крестьянъ, вымиравшихъ отъ голоднаго тифа, холеры, подавленныхъ непосильными податями, интересъ этой огромной 120-ти миллионной народной массы, настолько слабо реагировали на Витте, что онъ не только не принималъ никакихъ мѣръ для облегченія крестьянству податнаго гнета, но, напротивъ, подобно Шейлоку, выжидавшаго лишь удобнаго момента, чтобы выжать изъ своего должника послѣдній грошъ, — русскій министръ финансовъ въ родомъ циркуляровъ предписываетъ позиціи безъ пощамъ взыскивать съ крестьянъ подати, подгоняя эти взысканія ко времени денежныхъ получекъ, а когда у крестьянина и этихъ денегъ не доставало на уплату податей, тогда Витте предписывалъ снова-продавать движимость, послѣдній скотъ у крестьянъ... И тысячи крестьянъ бросили тогда свои надѣльныя земли, бѣжали въ города, на

фабрики. Раззоряя такимъ образомъ деревню, Витте оказывалъ услуги промышленной буржуазии, создавая для нея изъ обездоленнаго крестьянства — новые кадры фабричныхъ рабочихъ. Въ то время, какъ раззоренное крестьянство превращается изъ малоземельныхъ въ безземельныхъ и въ батраковъ, на селѣ нарождается новый классъ зажиточныхъ владѣльцевъ — сельскихъ буржуа, которые постепенно скупаютъ сосѣдніе земельные участки. Но Витте не обращаетъ вниманія на распадъ русскаго крестьянства. Онъ поплоченъ одной мыслью — упрочить благосостояніе промышленной буржуазии, притомъ жертвуя интересами промышленности окраинъ въ пользу центра — Москвы и сосѣднихъ съ нею губерній.

«Дабы убѣдиться насколько безразличны были для Витте интересы русскаго крестьянства, достаточно того факта, что во время таможенной войны съ Германией въ 1894 года, ратуя за интересы промышленниковъ, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы отнять у земледѣльцевъ рынокъ для вывоза хлѣба въ Германию и тутъ-же отпускаетъ колоссальныя суммы на постройку Сибирскаго пути, въ погоню за новыми рынками въ Азію для русскихъ товаровъ, игнорируя что здѣсь — въ Европейской Россіи главной покупательной силой — является все-же русскій крестьянинъ, правда, раззоренный хроническими голодовками, обремененный непосильными податями, недоубающий...

«Витте не борется и съ мѣрѣдомъ-ростовщикомъ, закабалившаго все сельское населеніе. Онъ не желаетъ помочь бѣдному населенію мелкимъ, дешевымъ кредитомъ, хотя ясно, что разъ что на селѣ нѣтъ кассы, которая сужала-бы крестьянина дешевой ссудой, онъ вынужденъ обращаться къ мѣрѣдомъ-ростовщику, который вымогаетъ съ него за занятія деньги уплату натурой (хлѣбомъ, конюлемъ и т. п.), также и отработкомъ. Представители русскаго либеральнаго общества возлагаютъ великія упованія на уставъ Государственнаго Банка (1894 г.), который дѣйствительно долженъ былъ создать широкій дешевый кредитъ рабочему люду, но и этимъ надеждамъ не суждено было сбыться!

«Сберегательныя кассы не приносятъ пользы, а скорѣе вредятъ народу, вытягивая и послѣдніе гроши жалкой народной экономіи отъ продуктивнаго ихъ приложенія въ деревнѣ.

«Поддерживая интересъ все той-же промышленности, денежной единицею

объявляется русскій рубль, потерявшій третью своей стоимости. Кто-же выиграетъ отъ этой реформы С. Ю. Витте? — Для 120-миллионнаго крестьянскаго населенія золотое является слишкомъ дорогимъ матеріаломъ. Благодаря этой реформѣ цѣны на товары увеличились, что, конечно, способствовало оживленію промышленности и торговли, вызвавшаго нашествіе иностранныхъ капиталовъ.

«Но скорѣй, искусственное оживленіе въ дѣлахъ сбѣнилось застоємъ, отъ перепроизводства. Въ 1899 — 1900 годахъ наступили небывалые банкротства среди самыхъ прочныхъ и богатыхъ предпріятій: въ Лодзѣ, Бѣлостокѣ, въ Иваново-Воскресенскѣ, Сормовскихъ и Тульскихъ заводахъ, въ Донецкомъ бассейнѣ, Киевскихъ сахаро-заводчиковъ. Закрылся рядъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ, настала безработица, заработная плата упала на 20 — 30% вѣ. Во время наибольшаго упадка денежнаго рынка, Витте сильно сократилъ выдачу субсидій изъ Государственнаго Банка, чѣмъ значительно увеличилъ число обанкротившихся предпріятій. Витте боялся потерять накопленное золото. Однако, не смотря на его осторожность, золото уплываетъ изъ Россіи за границу и при первомъ серьезномъ экономическомъ или политическомъ конфликтѣ (большая война), мы снова вернемся къ прежнимъ денежнымъ знакамъ и къ серебряному рублю.

«Витте, какъ министръ финансовъ, занявъ болье разрѣшеніемъ и другой задачей извѣсчиваніемъ средствъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ въ виду чрезвычайнаго, за послѣдніе годы, возростанія государственныхъ расходовъ: съ 1 миллиарда рублей (въ 1892 году) до 2 миллиардовъ. Онъ прибѣгаетъ къ программамъ государственнаго социализма и цѣлыя отрасли народнаго хозяйства переходятъ въ государственную монополию. Увеличивается штатъ чиновниковъ, растутъ и государственные расходы...

«Въ 1893 году Витте ввелъ квартирный налогъ и постепенно все косвенные налоги на предметы первой необходимости (акцизы на сахаръ, керосинъ, табакъ, спички и спиртъ), которые всею своєю тяжестью ложатся на бѣднѣйшія классы населенія.

«Вмѣсто прежняго «цѣльвальника», винная казенная монополия создаетъ два новыхъ типа: «закладчикъ», который выдаетъ деньги на покупку водки, подъ залогъ домашнихъ орудій и вещей и «кормчичество», такъ что теперь пьянство

периоды напряженной ломки старого строя жизни.

Она в некотором роде играет роль повивальной бабки при рождении нового строя.

Ть другие, о которых я говорил выше также разрывают со старым строем.

Но они тотчас же цѣлко хватаются за призраки идущаго на смѣну старому—новаго строя.

Ть не просто разрушают. Они пытаются и создавать.

Они играют роль социальных педагогов.

Богема же не знает опредѣленных путей.

Богема—это ть лишние люди, ненужными скорбями и страданиями которых прокладывается путь къ новой сѣти формь, новой цѣлки понятий.

И какъ только эти формы и понятия выйдутъ въ жизнь—богема снова нарождается и своимъ беззастовитомъ толкаетъ человѣчество на болѣе новые пути.

И такъ ad infinitum.

Богема нельзя отождествлять съ провозвѣстниками опредѣленного новаго строя жизни.

Ни социалисты, ни даже анархисты, хотя последние все таки приближаются къ ней—не представляютъ собой богема.

Задачей асоциологии будетъ издѣловать появление богема во всѣ периоды существования человѣческаго общества.

Асоциология въ связи съ установлениемъ каузальности въ появленіи и существованіи ея—укажетъ заслуги ея въ продолженіи пути для безрерывнаго слѣдованія человѣчества къ далекому свѣтлому грядущему.

Асоциология въ своихъ изслѣдованіяхъ неминуемо должна будетъ отвѣсти огромное мѣсто поэтамъ и худ.ж.икамъ всѣхъ вѣмьей.

Она должна будетъ раск'ать г'орелую связь между внут'е не-богатой психикой великихъ тво цовъ и эемъ отомъ а цѣльности, присущимъ имъ.

Какой неисчерпаемый матер'ль представятъ въ этомъ от'ошеніи бо рафи Гейне, Гофмана, д.ж. Гете въ периодъ его его жизни въ Штра сбу,гѣ, не говоря о новѣйшихъ поэтахъ.

У насъ русскихъ тоже есть ист'ория богемы

Пушкинъ, Полежаевъ... и много другихъ.

Комѣ поэтовъ въ нашей ист'ории общества ной мысли есть иная одного изъ величайшихъ bohemien'овъ.

Это имя—Александра Герцена. И затѣмъ въ послѣднее время.

Развѣ въ наши новѣйшие, молодые п'эты не представляютъ собой типичнѣйшей богема.

Это не случайность, что въ моментъ нашей крайне напряженной общественно-политической борьбы у насъ нарождается цѣлый рядъ новы'хъ оригинальныхъ поэтовъ, писателей,—норождаются яркая богема.

Выясненію сущности этой нашей богема я намѣренъ посвятить особую статью.

ОСКАРЪ НОРВЕЖСКИЙ.

изъ шинка — вынесено на улицу. Комитеты Трезвости не осмѣливаются вступать въ борьбу съ пьянствомъ.

«Въ чемъ выразилась работа Витте объ улучшеніи положенія рабочаго класса? — Въ томъ, что даже ничтожные результаты, достигнутые рабочимъ въ 1892 году, утратили свое значение благодаря инструкціямъ Витте, измѣнившимъ этотъ законъ. Законъ-же 2-го апрѣля 1897 года, ограничивавшій рабочий день 11 1/2 часами, урѣзанный дальнѣйшими разъясненіями Витте, указываетъ на рѣзко реакціонное его направление. Все осталось по прежнему; почему и не прекратились забастовки и послѣ закона 1897 года, а становятся все болѣе устойчивыми и переходятъ въ могучее рабочее движеніе подъ знаменемъ экономической и политической свободы.

«Что же сдѣлалъ Витте въ области народнаго образованія? — Иногда говорятъ, что Россія обязана ему открытіемъ ряда коммерческихъ школъ. Напрасно и въ этомъ вопосѣ Витте придаютъ такое значение. На самомъ дѣлѣ, буржуазія, сознавая значеніе и необходимость образованія, сама, за свой счетъ основываетъ эти спеціальныя школы, тогда какъ Витте на ихъ устройство и содержаніе ни гроша не раскодетъ изъ государственныхъ суммъ.

«Каковы-же конечные итоги десятилѣтней министерской дѣятельности Витте?—Началъ онъ свою дѣятельность во время страшнаго года (1892 г.), и теперь, черезъ десять лѣтъ, возникаетъ снова страшная мысль о возможности повторенія не менѣе жестокой голодовки. Промышленный кризисъ 1892 повторяется въ 1900 году. Положеніе рабочаго класса столь-же безотрадное: даже въ этомъ году отсутствіе заработка можетъ достигнуть большихъ размѣровъ, чѣмъ въ 1901 г. Слѣдовательно, вся дѣятельность Витте: проявилась въ увеличеніи прежнихъ налоговъ, въ введеніи казенной винной монополии, и въ систематическомъ повтореніи народныхъ голодовокъ, которая всецѣло можно отнести за счетъ его финансовой политики.

«Витте, грабя народъ непомерными налогами, во всеподданнѣйшихъ докладахъ къ государственной россіи, указывалъ на возрастающее яко-бы народное благосостояніе, разъ что могъ уплатить такіе налоги. Тщетно доказывали русскіе ученые и публицисты на несовѣстности интересовъ казны съ народными интересами, какъ дѣлалъ это Витте. Это возможно въ демократическомъ государствѣ,

гдѣ народъ принимаетъ участіе въ составленіи бюджета, но не въ Россіи, гдѣ бюрократія, во главѣ съ Витте, ведетъ себя какъ варваръ въ покоренной странѣ, сбѣсна заграбить все, что можетъ и по скорѣе удрать...

Слѣдовательно, одна цѣль Витте была: за счетъ народныхъ силъ увеличить возможно болѣе средства казны, другая же — поддержать бюрократію и усилить положеніе промышленной буржуазіи.

«Но ревниво оберегая благосостояніе русской буржуазіи, Витте встрѣтился съ препятствіемъ: разоряя сельскую, мужицкую Русь, дабы помочь буржуазіи, онъ не замѣтилъ быстраго роста городской Россіи съ ея могучими кадрами пролетаріата. Промышленные кризисы создаютъ невыносимое положеніе пролетаріата, жестоко страдающему отъ недостатка въ заработкѣ: при такихъ тягостныхъ экономическихъ условіяхъ русскаго пролетаріата, легко можетъ вспыхнуть возстаніе, тѣмъ болѣе, что пролетаріатъ ничѣмъ не рискуетъ. (Замѣтите, что это говорилось въ 1902 году!)

«А крестьянство? — Голодъ можетъ превратить въ сплоченную силу даже и такую разединенную массу, какъ русское крестьянство. Крестьяне начинаютъ уже колебаться и передъ ними встаетъ дилемма: или сидѣть сложа руки и умирать съ голода, или-же въ борьбѣ за свободу и хлѣбъ—добыть себѣ права на человѣческое существованіе.

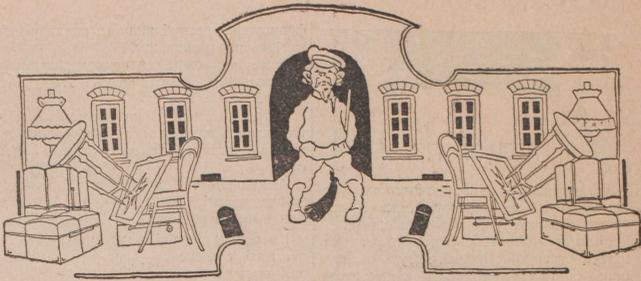
«Причинуо всѣму этому является вакханалія буржуазіи и Витте, тянувшаяся уже десять лѣтъ...

Такова оцѣнка финансовой политики графа Витте органомъ печати трудящихся классовъ.

(Окончаніе будетъ).

У А Г 5 27 1906

КВАРТИРОЛОГІЯ.

Практическая и теоретическая указанія, какъ устроиться дешево, но мило.

Человѣческое слишкомъ человѣческое...

Укладка флегматическая.

Теперь мнѣ остался только одинъ послѣдній типъ укладки—флегматическій.

По словамъ Канта:

«Флегматикъ — человѣкъ со слабою эмоціоною возбудимостью и слабою наклоностью къ дѣйствию. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эта дѣятельная восприимчивость все же связана съ извѣстною способностью къ дѣйствию, флегматикъ спясаются трудно возбудимымъ, но способнымъ долготъ: сохранять впечатлѣнія; онъ съ трудомъ можетъ быть выведенъ изъ равновѣсія».

Если вамъ удастся изъ своихъ приятелей составить труппу трудоспособныхъ флегматиковъ, ваша укладка обезпечена.

Сначала васъ быть можетъ будетъ раздражать постоянный refrain первого: — «Э-э-э... извольте видѣть... э-э-э».

Refrain второго:

— Того... я вамъ скажу... того...

И третьяго:

— Да... да... Такъ-то...

Я не знаю, съ какой стати рѣчь флегматиковъ уснащается почти всегда подобными выраженіями. Быть можетъ флегматикъ искренно убѣжденъ, что эти слова идутъ къ нему, какъ провансаль къ рыбѣ, но по моему къ флегматіку, какъ къ рыбѣ, болѣе всего пошло бы молчаніе.

Если у васъ есть наборъ изъ пяти дѣятельныхъ флегматиковъ, вамъ лучше всего отвѣсти каждому изъ нихъ по комнатѣ, а на себя принять роль погонщика муловъ.

Впрочемъ, вамъ не придется погонять. Вамъ придется, наоборотъ, сдерживать. Постигнуть основные принципы укладки для флегматика будетъ трудно, но разъ онъ ихъ постигнетъ, онъ обнаружитъ гомерическое усердіе.

Но за нимъ нуженъ глазъ и глазъ.

Иначе вы поразитесь, войдя въ уложенный флегматикомъ кабинетъ.

Вы увидите, что отвѣденные ему ящики и корзины заполнены папилютками.

— Отчего я не вижу ни одного крупнаго свертка? Развѣ не вы укладывали мои крупныя вещи!

— Э-э-э... Я...

— Но гдѣ онъ?.. Гдѣ, напримѣръ, пишущая машина?

— Э-э-э... вотъ...

— Позвольте, но это коллекція папилютокъ разныхъ калибровъ.

— Э-э-э... это машина...

Дьявольское подозрѣніе ослѣпляетъ васъ. Вы бросаетесь къ корзинѣ, хватаете папилютку.

Къ ней—винтикъ.

Въ другой—гаечка.

Въ третьей—рычажокъ...

— Что въ надѣлалъ!.. Вы разобрали машину по винтикамъ!..

— Э-э-э... такъ она... э-э-э... такъ лучше... э-э-э... не расшатается...

— А часы?

Часы тоже превращены въ кучку папилютокъ.

Это былъ каторжный трудъ отвернуть каждое колесико и завернуть его въ бумагу... Но онъ выполненъ добросовѣтнѣйшимъ образомъ.

Моя кабинетная лампа тоже превращена въ 43 папилютки!..

— Что въ надѣлалъ!.. Какъ мы теперь соберемъ лампу, машину, часы...

Мы перепутаемъ части!.. Мы растеряемъ все... О, ужасъ! ужасъ! Придется звать монтеровъ!.. Во что это обойдется!..

— Я думаю...

